

Когда шум воды стих, Сяо Жофэй снова заговорил:

— Тебе лучше? Проблема... решена?

Он всё знал!

— Ничего страшного, это твоя первая постельная сцена, правда, не переживай.

— Нельзя! — вырвалось у Гу Чуньлая. — Физиологическая реакция на съёмках — это непрофессионально!

Ковбойские сапоги сместились, приблизившись к двери, и их носок через щель внизу отбросил коричневое пятно света в кабинку. Голос Сяо Жофэя стал ближе, распространяясь за дверь, заполняя каждый угол, до которого могли дотянуться руки Гу Чуньлая:

— Ты нормальный мужчина, такая реакция естественна. В итоге всё выглядит хорошо, на мониторе ничего не видно, режиссёр тоже довольна. Она сказала, что сегодня закончим, а завтра снимем другой ракурс, без спины, тебе не нужно будет заранее гримироваться.

— Но ты же видишь... — голос Гу Чуньлая был полон уныния. — Другие... другие, наверное, тоже...

— С этим я ничего не могу поделать, — в голосе Сяо Жофэя прозвучала слабость. — Я сказал им, что у тебя болит спина, и ты пошёл переодеваться. Но оператор посмеялся надо мной, сказав, что ты бежал так быстро, что это явно не из-за спины, а из-за... ну, ты понял.

Гу Чуньлай словно наступил на гвоздь, вскрикнул и отшатнулся, ещё больше боясь приблизиться к двери. Выйти отсюда означало столкнуться с десятками любопытных глаз, и одна только мысль об этом лишала его смелости даже прикоснуться к замку.

Услышав, что Гу Чуньлай долго молчит, Сяо Жофэй продолжил:

— Но не переживай, сэнпай объяснила за тебя, режиссёр тоже. Они обе сказали, что перед съёмкой ты думал о человеке, которого любишь, и вложил эти чувства в игру.

— Не... не доставил ли я сэнпай слишком много хлопот? — голос Гу Чуньлая был тонким, с нотками рыданий.

Сяо Жофэй ненадолго замолчал, затем ответил:

— Это... тебе придётся спросить у неё самой, я не могу ответить за неё.

— А ты... тебе не доставил ли я проблем?

Сяо Жофэй был озадачен. Съёмки шли по плану, ни быстрее, ни медленнее. Его предыдущие ошибки тоже были успешно исправлены. Как сценарист на площадке, он сейчас практически не был загружен, так о каких проблемах могла идти речь? Он подумал и ответил:

— Нет.

— Тогда я позже лично извинюсь перед ней. Уже поздно, иди поужинай, — Гу Чуньлай уныло опустил крышку унитаза и сел на неё. — Мне нужно побыть одному.

Он глубоко опустил голову, закрыл глаза и, спустя неизвестное время, оказался в полной

темноте, где не было ничьих теней. Чувство тревоги утихло, и электричество, бушевавшее в его теле, наконец успокоилось. Его сердцебиение стало ровнее, уже не оглушающим, а разум, захваченный желанием, постепенно возвращался к обычному состоянию.

Вокруг было тихо, ни дыхания, ни голосов. Гу Чуньлай открыл глаза, и в щели под дверь больше не было тени от ковбойских сапог Сяо Жофэя. Наконец он снова был один, наедине с собой, чтобы спокойно подумать, как извиниться, как выкрутиться из этой ситуации, как сделать так, чтобы всё это прошло незаметно.

Он провёл пальцем по перегородке, будто составляя список дел, и начертил несколько имён.

Извиниться перед сэнпай, объяснить истинную причину — галочка. Признать ошибку перед режиссёром и спросить, что можно улучшить — галочка. Дать оператору небольшой конверт, чтобы он снял сэнпай красивее, в знак извинения — галочка. Сяо Жофэй...

Сделать свою работу, пригласить Сяо Жофэя на ужин и надеяться, что он никогда не узнает об этом секрете... галочка.

Гу Чуньлай продолжал перечислять, вычёркивая имена, но рука, прижатая к перегородке, становилась всё бледнее. Он вдруг понял, что здесь нет отопления, и выдыхаемый воздух был белым, холод постепенно захватывал его чувства. Это неприятное ощущение покалывания, которое он так ненавидел, распространилось от копчика по всей спине.

Чёрт, неужели снова проблемы со спиной!

Он поспешно встал, потерял равновесие и чуть не упал.

— Ты в порядке? — раздался знакомый голос неподалёку.

Гу Чуньлай удивлённо крикнул:

— Ты всё ещё здесь?! Я же сказал тебе уйти!

Сяо Жофэй ответил логично:

— Ты сказал, что тебе нужно успокоиться, значит, ты был взвинчен и не понимал, что говорил. Я не стану слушать! Я подожду, пока ты успокоишься, и тогда выслушаю!

— Сяо Жофэй, ты что, школьник?! — голос из кабинки стал громче. — Я не хочу тебя обременять, заставляя тебя ждать!

— Мне всё равно, о чём ты волнуешься?

Гу Чуньлай снова запутался:

— У тебя столько дел, уже поздно, ты только вернулся, не отдыхал, у тебя ещё смена часовых поясов, на улице холодно, здесь нет отопления, ты что, хочешь заболеть?! Иди отдыхать!

— Гу Чуньлай, ты тоже знаешь, что холодно! — Сяо Жофэй не сдавался. — Зная, что холодно, ты всё равно стоишь здесь с голой спиной...

Его сапоги не только приблизились, но и упёрлись в дверь.

Гу Чуньлай начал дрожать, губы тряслись, и он едва мог выговорить несколько слогов.

— Больно?! Тебе стало больно? — Сяо Жофэй закричал.

Гу Чуньлай изо всех сил пытался собрать слова в предложение:

— Н-нет! Иди уже! Я скоро, скоро закончу, я ещё не одел одежду...

Он сейчас просто не мог никому показаться. Запах ещё не полностью исчез, и он не знал, на какой части тела остались следы произошедшего. Трусы всё ещё висели на коленях, и он выглядел как проститутка, сдавшаяся перед желанием.

Сяо Жофэй ненадолго замолчал, а затем произнёс фразу, которая окончательно разбудила Гу Чуньлая:

— Ладно, как знаешь.

Мягкое одеяло упало сверху на спину Гу Чуньлая, на его сердце. Он почувствовал, что его возбуждение полностью исчезло, как будто ничего и не было.

Снова всё испортил.

Не только не оценил доброту Сяо Жофэя, но и снова из-за своей тупости и непонимания растратил его ожидание и чувства.

Гу Чуньлай не понимал, что с ним происходит.

С тех пор как Сяо Жофэй уехал на кинофестиваль в Город Т, он всё чаще думал о нём, об их прошлом, о моментах после их воссоединения, о том, что рядом с ним был старый возлюбленный. Он даже, не боясь, вскрыл старые раны, показывая почти незнакомой девушке дождь, который ещё не испарился с той ночи, подсчитывая перед камерой свои самые грязные и низменные фантазии юности.

Это импульсивное и глупое поведение было похоже на то, что он снова влюбился в Сяо Жофэя.

Но что, если это действительно так?

Он не мог быть уверен, что не ошибся.

Летом на третьем курсе, когда Бай Яньнань уехал на съёмки, Сяо Жофэй начал готовить свой дипломный проект, и ему понадобился актёр. Гу Чуньлай сам вызвался, спросив, подойдёт ли он. Сяо Жофэй на этот раз согласился без колебаний, сказав, что изначально планировал пригласить его.

С лицом персонажа прошлое, настоящее и будущее стали легче проектировать, и вокруг этого образа было проще строить историю.

В то время Сяо Жофэй часто таскал его за собой, исследуя улицы и переулки Цзинчэна, иногда останавливаясь, чтобы сфотографировать красивые места, называя это «сбором материала». Когда они не бродили по городу, они собирались вместе, чтобы писать сценарий. Сяо Жофэй был более опытным в основах, а Гу Чуньлай придумывал неожиданные идеи, и в итоге проект стал развиваться в сторону молодежной романтической комедии.

Но написание сценария требовало большего, чем просто размышления. Им не хватало жизненного опыта, и некоторые сцены нужно было конкретизировать, чтобы понять, насколько они реалистичны.

Например, свидания, держание за руки, объятия.

И... поцелуи.

У Гу Чунляя никогда не было отношений, не говоря уже о таких интимных моментах, и Сяо Жофэй сказал, что у него тоже. Сначала они просто сидели в темной комнате, смотрели фильмы, наблюдая, как другие встречаются, держатся за руки, обнимаются, целуются и даже делают что-то более интимное.

Но это были лишь образы, созданные экраном, безжизненные картинки. Смотреть на других не помогало понять, вызывает ли держание за руки волнение или отвращение, или достаточно ли просто прикоснуться губами, чтобы сердце забилося чаще.

Тем летом, ради нескольких сцен, они сталкивались зубами, бились лбами, и однажды даже разбили нос, ударившись слишком сильно. Гу Чунлай всё это время считал в уме — в общей сложности они поцеловались 99 раз, прежде чем сняли один кадр.

<http://bllate.org/book/15563/1415687>